

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ В КУЛЬТУРАХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-1-310-072-016).

Статья посвящена изучению ритуальной практики, интерпретации и содержанию обрядов погребально-поминального цикла у кочевников Центральной Азии раннескифского времени. Анализируется морфология сакрального пространства на комплексах бийкенской культуры Алтая; производится их сравнительный анализ с ритуальными сооружениями из синхронных культур. Осуществлена идентификация и предложена интерпретация зафиксированных групп сооружений и объектов. Для этого привлечены письменные сведения из источников китайского и индоиранского происхождения.

Ключевые слова: сакральное пространство; поминальник; жертвенник; «оленный» камень.

Важность изучения культуры населения раннескифского времени определяется задачами реконструкции процессов становления и развития в Азии номадизма – времени, когда происходил поиск оптимальных форм в разных сферах жизни людей [1. С. 93]. Эти процессы оказали исключительное влияние на духовную и религиозную сферы жизнедеятельности кочевых обществ, проявились в формировании своеобразных мировоззренческих систем. Их реконструкция и интерпретация сопряжена с изучением разных археологических источников, в числе которых значительное место занимают погребально-поминальные комплексы. Закономерности их устройства диктовались так называемыми обрядами перехода [2. С. 149–150], а проводимые мероприятия имели своей целью преодоление смерти – одной из критических точек бытия [3. С. 26–27]. Ритуал обеспечивал преемственность бытия человека в мире [4. С. 492–493], а его соблюдение гарантировало безопасность и процветание коллектива. Его центральную часть занимает *жертвоприношение* – способ установления коммуникации, средство связи между миром профанным и сакральным [5. С. 135–136; 6. С. 79; 7. С. 16]. Цели и задачи принесения жертвы были различными: жертва-дар, жертва-посланник, жертва-сопроводитель или транспорт в иной мир [7. С. 13, 20, 28]. При доставке жертвы исключительное значение приобретала *ритуальная ориентация* – направление, по которому жертвенный дар или умерший (его душа) должны были направиться, чтобы попасть в предназначенное им пространство [8. С. 46].

При изучении разных обрядов наиболее целесообразно применение комплексного подхода, позволяющего восстановить весь цикл погребальных, поминальных и других действий, идентифицировать их и разграничить. В археологических исследованиях погребальный и поминальный обряды не отделяются друг от друга временем и пространством. Чаще используется емкий термин «погребально-поминальный обряд» [9. С. 115]. *Поминальный обряд* характеризуется совокупностью мероприятий, совершаемых в течение определенного времени после захоронения [10. С. 5]. На какой-то стадии они могли синхронизироваться с погребальными действиями [11. С. 87]. Следы поминок при изучении археологических объектов, как правило, идентифицируются в «дополнительных» костях животных в могиле, специальных внекурганых сооружениях [12. С. 115].

В настоящей статье анализируются схемы организации сакрального пространства на погребальных комплексах раннескифского времени, определяется назначение («поминальники», «жертвенники» и т.д.) разнообразных «внемогильных» сооружений и объектов. Поставленные задачи решались через последовательный анализ объективно наблюдаемых признаков археологических комплексов: 1. Топография и планиграфия – особенности размещения ритуальных сооружений на местности, территории могильника или жертвенного комплекса. 2. Морфология – форма и конструкция памятников.

Источниками для предпринятого исследования послужили материалы ряда памятников бийкенской культуры Алтая (конец IX – 2–3-я четв. VI в. до н.э.): Бийке, Усть-Бийке-III, IV, Кызык-Телань-I, Кор-Кобы-I, Тыткескень-I, VI, Чоба-7, Ак-Алаха-II, Нижний Тюмечин-II, Песчаная-I, Семисарт-I, Юстыд – и синхронных комплексов из Западной Монголии, Тувы, Восточного Казахстана и Тянь-Шаня.

Для планировки могильников бийкенской культуры характерна группировка по 2–3 объекта или небольшими компактными микрогруппами (до 5 сооружений), ориентированными в меридиональном направлении по линии ЮЗ–СВ [13. С. 45]. Курганную насыпь в ряде случаев окружала кольцевая выкладка («крепида» или «стенка») [14. С. 44]. Погребальные камеры ориентировались по линии ЮВ–СЗ. Умершие хоронились в каменном ящике, устроенном на уровне древнего горизонта. Одной из особенностей обряда было захоронение лошади отдельно от человека, в ящике или яме с юго-восточной стороны, вплотную к конструкции для погребения человека, на некотором от нее расстоянии, но под одной курганной насыпью. Гораздо реже человек и лошадь помещались в одну погребальную камеру [14. С. 45–47]. Вместо целой туши животного в ящик иногда укладывался только череп [15. С. 116, 118. Рис. 1].

Ритуальные внекурганые памятники представлены несколькими категориями сооружений и объектов. *Первую* составляют подовальные или подквадратные сооружения: *кольца-выкладки* (ограничены только выложенными по периметру камнями) и *вымостки* (внутри заполнены в один–два слоя небольшими, а по периметру оконтурены более крупными камнями). Названные конструкции занимают разные части околочуланного пространства.

I. Относятся к конкретным курганам:

1. Выкладка или вымостка с одной стороны кургана: а) с севера (Тыткескень-VI, курган № 85, Чоба-7, курган № 2, Большой Яломан-I, курган № 1) [16. С. 112–113. Рис. 2.-11, 13, 16; 17. С. 86–87. Рис. 7]; б) с северо-запада (Большой Яломан-I, курган № 2) [18. С. 39. Рис. 3]; в) с юга (Покровский Лог-3, курган № 3) [19. Рис. 2.-4]; г) с юго-запада (Семисарт, курган № 2) [20. С. 7–8. Рис. 23]; д) с юго-востока (Кызык-Телань-I, курган № 52, Тыткескень-I, курган № 10 и 11) [21. С. 34. Рис. 61.-1; 14. С. 37. Рис. 6, 7.-2; 22. С. 71. Рис. 9].

2. Выкладки или вымостки одновременно с нескольких сторон кургана: а) с северо-востока и юго-востока (Покровский Лог-4, курган № 27) [23. С. 127–131. Рис. 1.-1]; б) с севера и северо-востока (Семисарт, курган № 1) [20. С. 7. Рис. 12]; в) с юга и востока (Усть-Бийке-IV, курган № 1) [24. С. 87. Рис. 50].

II. Устроены вне связи с погребениями:

1. Находятся между курганами или в одной цепочке с ними (Кызык-Телань-I, выкладки № 13, 22) [21. С. 22–23. Рис. 30.-1, 2].

2. В стороне от погребений (Кызык-Телань-I, выкладки № 24–25, 35–36, 43; Чоба-7, вымостки к югу от курганов № 1 и 2), составляют ряд, вытянутый по линии З–В или ЮВ–СЗ [21. С. 23–24, 28. Рис. 33, 34, 43.-1–2, 50].

При раскопках некоторых ритуальных сооружений найдены кальцинированные кости животных, фрагменты керамики с орнаментацией в виде «жемчужника» или без нее, следы кострищ в виде золы и углей.

Вторую категорию ритуальных объектов составляют вертикально установленные камни. Существовало несколько способов их размещения в разнотипных памятниках [25. С. 12]:

1. Надкурганные стелы и изваяния устанавливались вертикально в курганной насыпи, над ящиком с погребением человека и / или лошади [26]. Обычно они смещены с места своей первоначальной установки, что могло произойти в результате ограбления кургана или демонстрировать факт надругательства над обычаями «бийкенцев» враждебными им группами населения [27. С. 213].

2. Околокурганые камни помещались вблизи или на небольшом расстоянии от погребального сооружения, в случае наличия кольца – за его пределами, с одной или одновременно двух противоположных сторон [26]. В достоверно зафиксированных ситуациях камни устанавливались в различных точках западного и/или восточного сектора околокурганной площади, иногда на одной линии с погребальной камерой [28. С. 59].

3. Изваяния «жертвенных» комплексов не связаны с погребениями, хотя нередко находятся от них неподалеку (памятники долины Юстыда). Камни составляют меридиональные ряды, «сопровождаются» кольцами-выкладками со следами кострищ и фрагментами керамики [29. Рис. 3–11].

Из 18 учтенных нами надкурганых изваяний семь имели следы обработки и изобразительные реалии. За одним исключением они относятся к наиболее распространенному, так называемому общеевразийскому типу «оленных» камней [30. С. 100]. Только на одном обелиске зафиксированы изображения животных, выполненные в реалистичной манере (курган № 17 памятника Кызык-Телань-I) [21. С. 71–72]. На остальных, не

имевших реалий изваяниях также обнаружены следы их специальной подработки: «уступчик» в нижней, скошенной в верхней зонах. Околокурганые «оленные» камни обнаружены только на памятнике Ак-Алаха-II. Вместе с изваянием в центре кургана они составляли меридиональный ряд. На отдельных скульптурах сочетаются изобразительные реалии, характерные для разных типов «оленных» камней [31. С. 22].

Типичные для бийкенской культуры погребальный обряд и модель организации сакрального пространства обнаруживают обширные аналогии в синхронных культурах Центральной Азии: алды-бельской, тасмолинской и др. В обозначенное и более раннее время в Монголии существовала культура, характеризующаяся херексурами и «оленными» камнями [1. С. 104; 32. С. 82]. В этой связи отметим, что наиболее вероятная база для формирования погребального обряда бийкенской культуры находилась в Северо-Западной Монголии, откуда она распространилась в другие регионы Азии [14. С. 61–62]. По ряду признаков бийкенская культура близка майэмирской культуре, локализованной в Западном и Северо-Западном Алтае и Предалтайской равнине [33. С. 165–166]. Рассмотрим эти аналогии подробнее.

Для алды-бельской культуры Тувы (конец VIII – конец VI в. до н.э.) характерны округлые, обнесенные крепидой и заключенные в ограду курганы [32. С. 84–85, 94–95]. Под одной насыпью находится одно или несколько расположенных вокруг «главного» погребений в каменных ящиках, неглубоких грунтовых ямах, деревянных рамах или на уровне древнего горизонта. Умершие укладывались в скорченном положении на левом или правом боку, головой на запад, северо-запад. Сопроводительный инвентарь редок, но в целом типичен для раннескифского времени; не характерны сопроводительные конские захоронения [34. С. 24–26, 122–123, 125–131. Рис. 74–76, 80, 94, 102–104; 35. С. 156–157; 36. С. 95–99]. Специально отметим «оленные» камни и необработанные стелы, обнаруженные за оградой (в пристроенных к ней небольших выкладках, оградках), в насыпях или на поверхности курганов. Культурогенез культур раннескифского времени Тувы и близлежащих территорий происходил в русле или при значительном влиянии комплекса аржанских традиций [32. С. 100–101]. В свою очередь значительное воздействие на формирование облика памятника Аржан в Северной Туве оказала традиция херексуров и других комплексов поздней бронзы азиатских и урало-казахстанских степей (в том числе андроновского круга) [37. С. 143]. Аржан, датирующийся рубежом IX–VIII вв. до н.э. [38. С. 102], считается эталоном для выделения начального этапа скифской эпохи Саяно-Алтая. Показательна логика расположения ритуальных сооружений комплекса. Более половины его окружности охватывала дуга из 300 группирующихся в два–три ряда выкладок на расстоянии 15–30 м от кургана. В юго-восточной части дуги раскопан 21 «круглая оградка». Найдены кости лошади и остатки мелкого рогатого скота [39. С. 44–45, 73. Рис. 1.-А]. На другом, более позднем памятнике Аржан-IV возле кургана № 1 обнаружены две дуги выкладок, которые не соединялись на юго-востоке и северо-западе [40. С. 123. Рис. 1].

Традиция херексуров получает широкое распространение в Центральной Азии в период поздней бронзы и в раннескифское время. Херексуры представляют собой сложноорганизованные, иногда существенно отличающиеся друг от друга комплексы [41. Рис. 1; 42. С. 61–62], которые, однако, имеют общие признаки конструкции и погребального обряда. В общем плане это курганы, состоящие из каменной насыпи, заключенной в ограду разных форм, с различными «дополнительными» сооружениями вокруг нее [43. С. 35]. Под насыпью почти 50% раскопанных херексуров найдены безынвентарные погребения. Обряд погребения имеет много сходств с бийкенской культурой. Могила устраивалась на уровне древнего горизонта: в валунной камере, цисте, каменном ящике, яме, комбинированных конструкциях. Умершие укладывались внутри таких камер, в ямах или на древней поверхности, вытянуто на спине, гораздо реже на боку с согнутыми ногами и ориентировались головой на запад или северо-запад [44. С. 83–84; 43. Табл. 1]. Важным элементом архитектурной композиции памятников были разнотипные ритуальные сооружения и «оленные» камни [34. С. 120–121. Рис. 73; 45. С. 94; 46. С. 24].

В отличие от Тувы и Монголии, где зафиксирована преемственность культурного развития [47. С. 137–138, 143] на Алтае культура раннескифского времени появляется уже в сложившемся виде и не имеет генетической преемственности с традициями периода поздней бронзы [1. С. 97]. В то же время бийкенские курганы сближаются с херексурами определенной планировки: круглой оградой, расходящимися (радиально или крестообразно) лучами, жертвенно-поминальными сооружениями, «оленными» камнями. Согласно радиоуглеродным датировкам такие комплексы возводились в конце эпохи поздней бронзы и раннескифское время [48] и были широко распространены в Западной Монголии. Херексуры подобной планировки выявлены и на Алтае, но ни один из них должным образом не изучен. Самый северный херексур расположен в Центральном Алтае (местность Кур-Кечу). Он не имеет четко просматривающихся лучей и «оленного» камня. Однако вокруг кургана располагается 58 округлых ритуальных сооружений, группирующихся в не смыкающиеся на северо-востоке и юго-западе дуги. С западной стороны дуга составлена из выкладок, а с востока – из «курганчиков» [49. Рис. 1]. Крупный очаг локализации разнотипных херексуров находится в долине Юстыда. Среди них имеются курганы с круглой оградой, радиально расходящимися лучами, выкладками в западном и восточном секторах околокурганной площади [50. Рис. 14]. Подчеркнем, что в Западной Монголии, Туве, Тянь-Шане отмечены разнообразные способы включения ритуальных сооружений в сакральное пространство херексуров: 1) устроены с восточной и западной сторон курганов и как бы «огИБают» их по окружности [51. Рис. 4.-1]; 2) расположены только с одной (западной или восточной) стороны херексуров [52. Табл. 33, 53; 53. Рис. 1.-4–5]. Так, на памятнике Улаан худаг-I (Западная Монголия) ритуальными сооружениями занят только западный сектор херексура, имеющего круглую ограду и радиально расходящиеся лучи [54. С. 110].

Безусловно, для корректного сравнения характерных для разных культур схем организации сакрального пространства требуются раскопки памятников широкими площадями. До сих пор исследовались только погребальные камеры или «сопроводительные» сооружения херексуров. Под «курганчиками» восточного сектора нередко фиксируются конские черепа. В остальных выкладках найдены угольки и фрагменты кальцинированных костей животных [55. Рис 16; 56. С. 100, 103–104]. «Курганчики» с захоронениями голов лошадей выявлены на площадях херексуров и с круглой, и с квадратной оградой [57; 58. С. 202–203]. Данное обстоятельство может указывать как на одновременный период бытования двух типов погребальных сооружений, так и на некоторые схожие моменты в содержании ритуальной практики.

В связи с названными находками заметим, что традиция использования в погребальных и жертвенных обрядах лошадиных голов в раннескифское время получает достаточно широкое распространение на разных территориях. Несколько характерных объектов изучено на Алтае (Чемальский район Республики Алтай, Тьткескень-VI и Бике). Это самостоятельные, расположенные по одной линии (Ю–С) выкладки с захороненными под ними конскими черепами, ориентированные мордой на восток [59. Рис. 1]. Манипуляции с головой лошади характерны для погребального обряда «бийкенцев». При сохранности всех остальных частей скелета у сопровождающей человека лошади череп нередко отсутствует. В то же время отдельные части черепов фиксируются в разных частях погребальных конструкций, в том числе под «дополнительными» сооружениями [60. С. 187]. Надо полагать, что элементом ритуальных действий было предмерное отчленение головы у животного и последующее ее использование для определенных обрядов.

В структуру погребальных и жертвенных комплексов раннескифского времени входили стелы и изваяния – «оленные» камни. Способы их включения в разнотипные и разновременные комплексы многообразны. По большей части они согласуются с зафиксированными в бийкенской культуре. Согласно Д.Г. Савинову [32. С. 15–16], самые ранние «оленные» камни обнаружены в памятниках позднего этапа монгун-тайгинской культуры. Небольшое изваяние с «пояском», изображениями стоящих «на цыпочках» животных, обнаружено на перекрытии погребальной камеры № 34а кургана Аржан [39. С. 41. Рис. 29.-2]. Изваяния и стелы найдены в погребальных сооружениях и ритуальных выкладках алды-бельской культуры [61. С. 294. Рис. 5].

В.В. Волков [51. С. 16], проанализировав нахождение «оленных» камней в составе разных памятников, разделил их на несколько типов «жертвенников». Исследователь полагал, что «оленные» камни имеют связь только с херексурами, выделяющимися своими размерами, почти всегда имеющими круглые ограды и радиально расходящиеся «лучи» [51. С. 10]. Такие изваяния относятся к широко распространенному евразийскому типу. На основе наблюдений в Монгольском Алтае А.А. Ковалев пришел к схожему заключению: «оленные» камни установлены на херексурах с лучами и круглой оградой и не характерны для курга-

нов с квадратной оградой [56. С. 100]. Д.Г. Савинов [62. С. 143] соотнес известные типы «оленных» камней с разными памятниками и заключил, что «жертвенникам» соответствуют наиболее ранние изваяния – со стилизованными изображениями животных, а погребениям – саяно-алтайского и «общеевразийского» типов. Очевидно, для подтверждения этих выводов требуются основательные научные изыскания. Согласно нашим наблюдениям на «жертвенных» комплексах, насыпях херексуров или за пределами их кольцевых оград находятся «оленные» камни как наиболее распространенного «общеевразийского» (без изображений животных), так и саяно-алтайского и монголо-забайкальского типов.

Согласно подсчетам А.Д. Цыбиктарова и С.В. Данилова [63. С. 104] в композиции монгольских херексуров и сопровождающих их ритуальных сооружений (выкладки, вымостки, «курганчики») выявлено более 120 «оленных» камней. Первоначальный облик большинства херексуров нарушен вследствие ограбления или осквернения. Однако имеющиеся сравнительные материалы указывают на то, что «оленные» камни, обнаруженные на курганных насыпях или поблизости от них, первоначально были установлены в центре кургана, над погребальной камерой (ящиком или цистой). «Погребальная функция» «оленных» камней установлена на материалах раннескифского времени из восточно-европейского ареала распространения [64. С. 91].

Объяснение охарактеризованных моделей организации сакрального пространства, содержания обрядов в раннескифское время затрудняется тем, что вплоть до хуннуско-сяньбийско-жужанского времени Северная Азия была практически полностью исключена из сферы действия письменных источников [32. С. 7]. Наиболее близкими к бийкенской культуре и по времени создания, и в содержательно-смысловом плане являются тексты литературных памятников китайского, индийского и индоиранского происхождения (Ригведа (РВ), Атхарваведа, Упанишады, И-Цзин («Книга перемен» или «Канон перемен»), Ши-Цзин («Книга песен» или «Канон поэзии»). Некоторые из названных источников ранее частично использовались для анализа семантики погребального обряда и погребальных конструкций бийкенской культуры [65]. Обоснованность их привлечения подтверждается некоторыми предположениями об этногенезе бийкенской культуры Алтая. Есть мнение, что в этом процессе приняли участие племена из Северо-Западных районов Китая [66. С. 324–325]. Мировоззренческие и религиозно-мифологические идеи, реализованные в погребальном обряде бийкенской культуры, находят наибольшее соответствие в текстах Упанишад. В источнике представлены коды пространственной ориентации и символика различных обрядов раннескифского времени. Поэтому не исключены контакты населения формирующейся бийкенской культуры, в том числе этногенетические, с разными племенами Азии [1. С. 118]. С указанным периодом соотносятся также другие литературные памятники – Ригведа и «Книга перемен». Оформление гимнов Ригведы в единый сборник приходится на XI–X вв. до н.э. «Книга перемен» создана в Китае при Чжоуской династии (XI–III вв. до н.э.) [67. С. 98; 68. С. 21]. Смыслообразующим звеном произведения является идея изменчивости,

положенная в основу теории гадания о деятельности человека: идет ли она вразрез с ходом мирового свершения, принося несчастье, или гармонически включается в мир, даруя счастье. Состоящая из разновременных разделов антология «Ши-Цзин» оформляется несколько позже – на рубеже VI–V вв. до н.э. [68. С. 21–22, 40–42]. В произведении содержатся сведения о различных сферах жизнедеятельности населения Китая значительного временного промежутка: «...с раннего этапа Западного Чжоу (XII–X вв. до н.э.) и до конца эпохи «Чуныцю» («Весны и осени», VIII–V вв. до н.э.)» [69].

В названных источниках каждая из сторон света обладает своим сакральным значением. В ведических текстах восточная сторона именуется «жертвенной ложкой», южная – «страдающей», западная – «царицей», северная – «благоденствующей» [70. III, 15, 2; 71. III, 10, 7]. Для умилования всех богов жертвы могли приноситься всем сторонам света одновременно, однако в большей степени они обращались к восточной, солярной стороне [72. I, 86, 5; I, 188, 4; III, 6, 10]. Север и восток считались сферой богов (т.е. благоприятными направлениями), юг – областью Ямы (Яма в Ригведе – глава питаров, первый смертный, который, умерев, проложил путь смерти, путь «отцов»), царством мертвых [73. X, 14, 1] и одновременно наиболее солнечной стороной, связанной с жертвой. Хранителем юго-восточной стороны в ведийской символике является бог огня Агни, северо-восточной стороны – Сома [74. С. 75, 79–80]. В погребальном ритуале «бийкенцев» сакрализация благоприятной юго-восточной стороны отразилась в захоронениях на этой стороне жертвенных лошадей, выступавших сопровождающими и транспортом в иной мир [65. С. 287]. Смотреть на восток при жертвоприношениях означало получить духовное очищение [70. IV, 6–8; 75. С. 95].

В обрядах жертвенного цикла исключительная роль отводилась лошади. Как сказано выше, в бийкенских курганах животные были сонаправлены человеку и помещались с юго-востока. Немаловажное значение играла голова коня. В ведических текстах она соотносится с утренней зарей, солнцем, а в зооморфной модели вселенной – с восточной стороной света [74. I]. Особое отношение к животному отражено в его реалистичных изображениях на «оленных» камнях, разнообразных предметах декоративного искусства, петроглифах раннескифского времени [76. С. 106–107; 77]. Тщательно моделировалась голова лошади. Согласно некоторым традициям в отделенной от туловища голове аккумулировалась особая сила. Голова жертвенного коня в течение долгого времени могла храниться отдельно от других частей туши [78. С. 112–113].

В Китае в эпоху Чжоу резко возрастает количество обрядов жертвоприношений предкам, богам и духам, Небу и Земле [79. С. 73]. Упорядочиваются поминальные обряды [1. С. 111]. Центральным пунктом всей религиозно-этической системы указанного времени был культ мертвых предков [79. С. 44, 75]. Согласно пространственной символике И-Цзин запад и юго-запад считались областью тьмы, а восток и северо-восток – областью света [67. С. 50]. Согласно индоиранским источникам на стороне солнечного заката

размещена страна предков [70. II, 9, 8], которым предназначались обильные жертвоприношения [71. III, 29; 80. II, VI, 5.-VI]. Поминовение «отцов», в разное время ушедших из земной жизни, описано в РВ [73. X, 15, 17.-8]. Следует сказать, что в более поздней по происхождению китайской литературе (I в. до н.э. – I в. н.э., например, трактат «Чу цы») в космологических сюжетах господствует та же оппозиция: восток – запад. Запад ассоциировался с закатом солнца и мыслился как страна смерти; по этому направлению следовала душа умершего [68. С. 17].

По совокупности рассмотренных данных можно полагать, что западная сторона в кодах пространственной ориентации населения бийкенской и других культур раннескифского времени являлась неблагоприятной частью мира. Это объясняет положение и ориентацию человека и лошади в погребениях (ориентировались головой в западный сектор, а лицом – на юг или юго-восток) [1. С. 112; 24. С. 46, 48, 51, 71. Рис. 11, 12, 15, 33]. В то же время удалось установить, что у «бийкенцев» характерная для многих культур оппозиция север – юг и запад – восток при ориентации погребальных конструкций и размещении цепочек курганов была смещена по линии ЮВ – СЗ (для первого случая) и ЮЗ – СВ (для второй ситуации). Оппозиция двух сторон света хорошо маркирована размещением ритуальных сооружений возле бийкенских курганов. Как отмечалось выше, такие объекты могли находиться на юго-востоке и северо-западе либо занимать какую-либо одну (благоприятную или неблагоприятную) точку пространства. Существование таких оппозиционных друг другу кодов подтверждает то, что дуги ритуальных сооружений вокруг херексуров на СЗ и ЮВ либо СВ и ЮЗ не смыкаются. Выкладки и вымостки, пристроенные с востока, юга и юго-востока, северо-востока к бийкенским курганам, «курганчики» восточного сектора херексуров следует рассматривать как «жертвенники». Сооружения западной и северной частей курганов имели другое назначение и служили для поминовения умерших («поминальники»). Очевидно, аналогичные представления о сакрализации отдельных зон околокурганного пространства отразились в структуре других памятников Центральной Азии раннескифского времени.

Разные точки сакрального пространства отмечались установленными в вертикальном положении камнями. Стелы, найденные у основания западной и восточной полы курганов, могли выполнять функцию коновязей [13. С. 46–47]. В основе такой интерпретации лежит наблюдение над оформлением цепочки курганов бийкенской культуры, которая имитировала реально существовавшие жилища кочевников и планировку отдельных поселений [13. С. 45, 47; 81. С. 25–26]. Указанное назначение подтверждается также фактом обнаружения под некоторыми изваяниями и стелами захоронений лошадей [1. С. 110]. Отдаленные аналогии обряда захоронения лошади под коновязью обнаруживаются у якутов [82. С. 167]. Коновязные столбы имеют небольшие размеры (высота не превышает 0,6 м), уплощенную форму, следы подработки камня редки.

Другую функцию выполняли стелы или изваяния, помещавшиеся над погребальной камерой в центре курганов. Вероятнее всего, они олицетворяли «памят-

ный знак» умершему [64. С. 51]. В похоронном гимне РВ [73. X, 18, 13] столб выступает элементом образа дома, который сооружают умершему для продолжения его существования в царстве мертвых, и ассоциируется с опоркой кровли жилища [1. С. 110]. Стелы занимали центр сакрального пространства, «вокруг которого разворачивается весь космический универсум» [45. С. 94]. Тем самым они воплощали ось мироздания, символизировали мировое древо. Как считал В.С. Ольховский [64. С. 87], такие изваяния несли в себе «скрытый» антропоморфный образ. Д.Г. Савинов [62. С. 147] полагает, что на них изображались мертвые люди, своеобразный сакрализованный образ после пересечения грани из мира живых в мир мертвых. Кроме того, несомненно, можно говорить о коммуникативной, медиативной функции вертикально установленного камня как такового и «оленных» камней в частности: они обеспечивали связь мира живых с миром мертвых, были предназначены для передачи регламентированных ритуалом ценностей и жертвоприношений [62. С. 139, 147].

Изваяния на выкладках и вымостках (в том числе с захоронениями лошадей или только их голов) можно интерпретировать как «жертвенные» столбы. Отдельный гимн жертвенному (божественному) столбу размещен в РВ [72. III, 8]. Такой столб воздвигался перед жертвенным костром с целью благоприятной передачи жертвы богам и ассоциировался с упорядоченностью и стабильностью [72. III, 8, 1–11; IV, 6, 3; 83. V, 29, 2]. Столб сравнивается с конем [72. IV, 6, 3; IV, 51, 2].

Таким образом, «оленные» камни и стелы в разных комплексах выполняли по меньшей мере три основных функции: 1. Памятный знак умершему. 2. «Жертвенный столб». 3. Коновязь.

В заключение подведем некоторые итоги. В конкретный исторический период способ отправления погребального и поминального обрядов, оформление предназначенной для них сакральной площади, строительство специальных сооружений определялись представлениями о смерти и потустороннем (загробном) мире в рамках господствующей религиозно-мифологической системы. Данные воззрения складывались под влиянием разнообразных условий существования социумов: природных, хозяйственных и др. Анализ разных традиций позволил выявить и подтвердить, что религиозно-мировоззренческая система населения раннескифского времени и, в частности, бийкенской культуры носила синкретичный характер и включала, по меньшей мере, два компонента, значение которых еще предстоит оценить. Околокурганые ритуальные конструкции на памятниках бийкенской и некоторых других культур раннескифского времени (херексуры определенной планировки) разделены на «жертвенники» (восточный сектор) и «поминальники» (западный сектор). Кроме того, зафиксированы жертвенники, представлявшие самостоятельные комплексы взаимосвязанных конструкций. Конкретное место отводилось вертикально установленным стелам, в том числе «оленным» камням. Выделенные функции стел и изваяний отражают условия их нахождения в структуре разных комплексов, но не исчерпывают всего многообразия значений этих монументальных памятников.

Отдельного исследования ожидает разработка семантики херексуров. Согласимся с точкой зрения, что они выполняли полисемантическую функцию. Их назначение сводилось не только к погребению умершего [43. С. 47]. На это, в частности, указывает безынвентарный характер большинства погребений, колоссальные трудовые затраты на их возведение. Некоторые или боль-

шинство херексуров могли выполнять функцию святилищ, обсерваторий, в которых находили реализацию многие древние культы. В этой связи отметим, что при изучении погребальных конструкций «бийкенцев» также обнаружен их полисемантический характер: могила являлась «домом» умершему и алтарем для его жертвоприношения [65].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007.
2. Геннеп А. Ван. Обряды перехода. М. : Вост. лит., 1999.
3. Байбурун А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. М. : Наука, 1991. С. 23–42.
4. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М. : Языки славянской культуры, 2005.
5. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М. : Вост. лит., 1984.
6. Жуковская Н.Л. Жертвоприношения // Религиозные верования (свод этнографических понятий и терминов). М. : Наука, 1993. С. 79–82.
7. Дмитриева Т.Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение: ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 11–22.
8. Косарев М.Ф. Приобщение к вневременным сферам в сибирском язычестве (по жертвенным ритуалам и погребальным обрядам) // Жертвоприношение: ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 42–53.
9. Ольховский В.С. К изучению скифской ритуальности: посмертное путешествие // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М. : Вост. лит., 1999. С. 114–136.
10. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (V–III вв. до н.э.). М. : Наука, 1991.
11. Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2. С. 85–98.
12. Длужневская Г.В. Погребально-поминальная обрядность как источник для реконструкции мировоззрения енисейских кыргызов // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1990. С. 113–115.
13. Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 20–54.
14. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997.
15. Степанова Н.Ф. Охранные раскопки на Усть-Куломском могильнике // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–119.
16. Тишкин А.А., Матренин С.С. Курганы бийкенской культуры на памятнике Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 109–116.
17. Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-VII // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 86–91.
18. Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 38–48.
19. Шульга П.И., Шульга Н.Ф. Три раннескифских кургана из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 250–255.
20. Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001.
21. Суразаков А.С., Тишкин А.А. Памятник Кызык-Телань-I в Горном Алтае и его планиграфические особенности // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 191–198.
22. Кочеев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2003. № 10. С. 70–83.
23. Шульга П.И., Демин М.А., Гельмель Ю.И. и др. Работы в долине реки Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2003. Вып. 13. С. 126–132.
24. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005.
25. Шелепова Е.В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего Средневековья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 24 с.
26. Тишкин А.А. Бийкенское святилище в Горном Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2000. С. 210–215.
27. Шелепова Е.В. Вертикально установленные камни на погребальных комплексах скифской эпохи Алтая // Этнокультурная история Евразии: Современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул : Азбука, 2008. С. 146–148.
28. Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-I и Кор-Кобы-II // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 56–96.
29. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979.
30. Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор : Изд-во АН МНР, 1981.
31. Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. 1993. № 2. С. 21–31.
32. Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2002.
33. Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмурской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и Средневековье. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 164–166.
34. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980.
35. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003.
36. Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007.
37. Чузунов К.В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 142–149.
38. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб. : Теза, 2005.
39. Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980.
40. Марсадолов Л.С. Памятник Аржан IV в Туве // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2004. С. 121–133.
41. Цыбиктаров А.Д. Херексуры Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. С. 37–46.

42. Савинов Д.Г., *Сэрээтэрийн Урантугс*. Опыт типологии херексуров // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 142–145.
43. Цыбиктаров А.Д. Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2004. Вып. 2. С. 35–50.
44. Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1(13). С. 80–97.
45. Кидуновская М.Е., Семенов Вл. Олений камень – изобразительная и мифологическая структура // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1993. С. 88–103.
46. Семенов Вл.А., Кидуновская М.Е., Чугунов К.В. Археологические исследования на правом берегу Улуг-Хема // Южная Сибирь в древности. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1995. С. 23–30.
47. Семенов Вл.А. Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2000. С. 134–157.
48. Эрдэнэбаатар Д., Ковалев Д. Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез в Северной Азии. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 70–84.
49. Тишкин А.А. Крупный херексур в Центральном Алтае (Онгудайский район Республики Алтай) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд ; Томск : Изд-во ТГУ, 2009. С. 74–78.
50. Goossens R., Wulf de A., Bourgeois J. et al. Satellite imagery and archeology: the example of CORONA in the Altai Mountains // Journal of Archeological Science. 2006. № 33. P. 745–755.
51. Волков В.В. Оленные камни Монгольского Алтая // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М. : Институт археологии РАН, 2004. С. 9–21.
52. Волков В.В. Оленные камни Монголии. М. : Науч. мир, 2002.
53. Табалдиев К.Ш. «Восьмикаменные» памятники и «оленные» камни Тянь-Шаня // Современные проблемы археологии России. Новосибирск : Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. 2. С. 55–57.
54. Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашиковский П.К., Нямсуурен М., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение) // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 107–114.
55. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1998.
56. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии : сб. науч. тр. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 99–105.
57. Allard F., Erdenebaatar D. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia // Antiquity. 2005. Vol. 79, № 305. P. 547–563.
58. Erdenebaatar H.D. Funeral and sacrifice ritual of the horse in the bronze age of Mongolia // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 201–209.
59. Шелепова Е.В. Некоторые результаты изучения ритуальных объектов на памятнике Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 16. С. 136–142.
60. Шелепова Е.В. Новые сведения и захоронения конских черепов (по результатам исследования памятника Тыткескень-VI) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 185–188.
61. Сигунов К.В. Der skythenzeitliche Kulturwandel in Tuva // Eurasia Antiqua Zeitschrift fur archeologie Eurasiens. Berlin, 1998. Bd. 2. P. 273–308.
62. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994.
63. Цыбиктаров А.Д., Данилов С.В. К вопросу о культурной принадлежности оленных камней монголо-зabayкальского типа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 102–105.
64. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М. : Наука, 2005.
65. Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Погребальная практика носителей бийкенской культуры: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк : Изд-во ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 179–194.
66. Тишкин А.А. Проблема происхождения бийкенской культуры Алтая раннескифского времени и выделение основных этапов ее развития // Социогенез в Северной Азии. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 322–327.
67. Шуцкий Ю.К. Китайская классическая книга перемен. М. : Русское книгоиздательское товарищество, 1993.
68. Крацова М.Е. Поэзия Древнего Китая: опыт культурологического анализа – антология художественных переводов. СПб. : Петербургское востоковедение, 1994.
69. Федоренко Н.Т. Древнейший памятник поэтической культуры Китая // Шицзин. Книга песен и гимнов. М. : Наука, 1987. С. 3–22.
70. Упанишады : пер. с санскр. М. : Вост. лит., 2000.
71. Атхарваведа. Избранное : пер. с санскр. М. : Наука, 1976.
72. Ригведа. Мандалы I–IV. М. : Наука, 1989.
73. Ригведа. Мандалы IX–X. М. : Наука, 1999.
74. Символы индуизма, буддизма, тантризма. М. : Золотой век, 1999.
75. Подосинов А.В. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М. : Языки русск. культуры, 1999.
76. Савинов Д.Г. Об оленных камнях «смешанного» типа // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 105–108.
77. Членова Н.Л. Олени, кони и копыта (о связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // РА. 2000. № 1. С. 90–108.
78. Антонова Е.В. Об останках животных в памятниках бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК) // Центральная Азия: Источники, культура. М. : Вост. лит., 2005. С. 105–117.
79. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М. : Вост. лит., 2001.
80. Шицзин. Книга песен и гимнов : пер. с кит. А. Штукина. М. : Наука, 1987.
81. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М. : Вост. лит., 2002.
82. Попов В.В. Культ коня в погребальном обряде якутов XV–XVIII вв. // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 166–170.
83. Ригведа. Мандалы V–VIII. М. : Наука, 1999.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 апреля 2012 г.